

Не славенска внемлю вечу,
 Слышу Муз афинских звон.
 Вижу, мраморы, граниты
 Богу возносятся на храм;
 За заслуги знамениты,
 В память вождям и царям,
 Зрю кумиры изваянны. . .

. . . . .
 Вижу лентии летучи,
 Разноцветны по судам:
 Лес пришел из мачт дремучий
 К камнетесанным брегам.
 Вижу пристаней цепь, зданий.
 Торжищ, стогов, чистоту.
 Значных роц, путей гуляний
 Блеск, богатство, красоту».

Картина Петербурга приводит поэта в вывод, «что меж льдов цветет Парнас». Гордость успехами дворянской культуры сказывается здесь в каждом слове.

В следующем 1811 г. Державин отметил стихами крупнейшее событие художественной жизни Петербурга: открытие Казанского собора (15 сентября 1811 г.), построенного Воронихиным. Он описал цветные камни роскошной внутренней облицовки и запрестольный образ «Взятие богоматери на небо» работы Александра Брюллова.

В том же году в пьесе «Баня Аристиппа» он дал развернутую картину домашнего *intérieur*'а екатерининского вельможи — богача и «любителя художеств».¹

«Взгляните ж на него. Он в бане!
 Се роскоши и вкуса храм!
 Цвет роз рассыпан на диване;
 Как тонка мгла иль фимиам
 Завеса вокруг его сквозится;
 Взор всюду из нее стремится
 В нее ж чуть дует ветерок;
 Льет чрез камин, сквозь свод, в купальню,
 В книгохранилище и спальню
 Огнистый с шумом ручеек.
 Он нежится — и Апельлеса,
 Картины вокруг его стоят;

¹ Возможно, что это стихотворение изображает Н. Б. Юсупова и его дворец в Архангельском, где, между прочим, находилась картина неизвестного художника «Аполлон среди пастухов» (С. Безсонов. «Архангельское» 1937, стр. 115). Если это так, то интересно отметить разницу в отношении Державина и Пушкина к убранству дворца вельможи. Для Державина это — убранство настоящего времени, образец вкуса и изящества; для Пушкина — это уже прошлый век.